

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №11 ГАЗЕТА

Иван Басаргин / Избранные произведения

95
1927-2022

БАСАРГИН Иван Ульянович

Родился 1 января 1930 года в селе Нижние Лужки Чугуевского района Приморского края в семье русских переселенцев-пермяков старообрядческой ветви. Отец крестьянин-охотник. После его ареста многолетняя семья Басаргиных была выслана в Сибирь. Жили на Урале, в Казахстане, в Читинской области. Трудовой стаж Басаргина начался с двенадцати лет. В 1946 семья вернулась в Приморье. Окончил Биробиджанскую культпросветшколу (1952) и Высшие литературные курсы при Литинституте (1971). В 1969 был принят по журнальным публикациям в Союз писателей СССР.

Первую повесть «Сказ о Чёрном дьяволе» опубликовал книгой в 1971 году. Роман «В горах Тигровых» (1975) посвятил династии бунтарей-пермяков, продолжением стала книга «Дикие пчелы». Сборник прозы «Акимыч — таёжный человек» вышел в 1972 году.

Последние годы жизни, переехав из г. Кавалерово Приморского края в Томск, Басаргин занимался изучением исторических архивов. Скоропостижная смерть оборвала все замыслы талантливого писателя. Он умер 14 ноября 1976 года.

С 2006 года библиотека, в дар которой передан архив И. У. Басаргина, носит его имя. В 2021 году был издан ранее не публиковавшийся роман «Распутье», это третья книга незавершенной тетралогии, которая задумывалась Басаргиным как столетняя сага, охватывающая период с 1848 по 1948 год, тяжелое и смутное время войн и революций. Публиковались некоторые главы и из четвертой, завершающей, книги, но целая рукопись пока не обнаружена.

ВЕТРЫ ПОЛЯ КУЛИКОВА

О КНИГЕ АНДРЕЯ ШАЦКОВА «СКАЗЫ ПОЛЯ КУЛИКОВА»

Эту книгу автор писал, и не только писал, но и составлял — лет, эдак, 35. За первую «коренную» её часть он был отмечен ещё в прошлом веке орденом прп. Сергия Радонежского от Патриарха всея Руси Алексия II, что было в новинку для тогдашнего поэтического сообщества. Его называли «Куликовцем» легендарный «реставратор всея Руси» Савва Ямщиков, но именно теперь, несомненно неслучайно, вышел в это непростое время полный цикл стихов Андрея Шацкого о Куликовской битве. Мы давно стали с Андреем близкими друзьями, нас единит общее увлечение эпохой Куликовской битвы и образами Сергия Радонежского, Пересвета и Осляби, великого князя Дмитрия Донского, воеводы Дмитрия Волынского-Боброка, князя Владимира Андреевича Храброго. Андрей хорошо знает историю этого периода, он практически всю жизнь пребывает в нём, о чем говорит сам в предисловии к этой за-

мечательной книге, выпущенной литературным фондом «Дорога Жизни», которым руководит поэт Дмитрий Мизгулин. Мы могли часами говорить о событии, которое

великий Блок навсегда причислил «к символическим событиям русской истории, которым суждено возвращение». Эрудиция Андрея поражала. Он часами мог рассказывать мне о малоизвестных деталях, о тех участниках битвы, о которых не говорят даже вузовские учебники исторических факультетов и весомые монографии.

В предисловии поэт восклицает: «“Задонщина”... Высокое вдохновение водило рукою автора героических, светлых строк...» и как бы продолжает длить наш хрестоматийный эпос своей книгой. Каждой её строкой. Блистательно владея поэтическим словом, исторической вязью, он дарит читателям XXI-го века и потомкам свою, современную, «Задонщину». И незаметно встёт в сторожевом полку в один ряд и с Александром Блоком, и с Дмитрием Балашовым, и с художником Юрием Ракшой... Там, где стоят Пересвет и Ослябя. И слышна их молитва:

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 № 1 1 /1904/ Основана в 1927 г.

Иван Басаргин

Избранные произведения

Сказ о Чёрном Дьяволе

Повесть

Часть первая

ЗЕЛЁНЫЙ КЛИН — ЗЕМЛЯ ВОЛЬНАЯ

1

Старый пароход «Казак Хабаров» штормовал.

Вот уже вторые сутки он шёл из Владивостока, шёл и шёл на север, в бухту Ольгу. Он резал носом волны, и вместе с ним качалось небо, качался берег. Небо, серое от клочкатых туч. Берег, рыжий, тёмный, как косуля в линьку, насупленно смотрел на пароход, грозил ему скалами, где пенился и рокотал прибой. Шторм крепчал. Слабые машины парохода уже не справлялись с ним, и пароход ушёл штормовать в море. А море бурлило, будто кто-то огромной весёлкой мешал воду. На море сумно, на море тошно, море — неуют. И те, кто шёл на этом пароходе, много раз поглядывали на берег, пока он был виден, и думали: «Эх, на землю бы, на эту рыжую от дубков и жухлых трав землю, к ноздреватому снегу, что ещё лежит в ложках; упасть на злобок, раскинуть руки и задремать. Потом — в лесок, потом — к горбатым сопкам...»

Но пароход шёл, изнывая от стонов и криков людских, пропах он сермяжным духом и потом. Тяжело ухал в провалы волн, надсадно выползал на них. Тяжко старому пароходу. Тяжко людям на нём. У всех осоловели глаза. Ничто не радует: ни будущая воля, ни земля. Всех задавила качка.

Над волнами стонали чайки. Громче всех стонала и низко кружила совсем-совсем белая чайка. Стонала и кружила над Терентием Маковым. И невдомёк старому, что над ним плакала не просто чайка, а Пелагея-чайка. Ведь, по преданию моряков, души умерших в море превращаются в чаек. Терентий сидел у тёплой трубы парохода нахохленный, похожий на подранка-баклана: голова на груди, высоко подняты плечи. Рядом с ним примостилась его дочь Груня. Зябка ёжилась, грустно смотрела на кипень волн.

«Мама! Мама!» — изредка шептали её пересохшие губы. А над головой мама-чайка кричала, будто что-то силилась сказать. Но разве понять людям стон чаек?..

Короткие сны похожи на забытьё. Снится не палуба под ногами, а земля смоленская. На берегу тихой речушки прилепился домик, старенький, кособокий, но свой. По тропинке бежит она, Груня. С разбегу — в речку. Потом — на поля, где колосятся хлеба. Только это хлеба не Маковых, а кулака Жмакина. Своей бы земли, как об этом всю жизнь мечтали и дед, и отец, земли тёплой и приветливой...

Стонет Пелагея-чайка. У Пелагеи могила просторная — всё море. И ни креста, ни холмика. Записал широту и долготу капитан, где похоронили покойницу Пелагею, вот тебе и могила, памятник надгробный.

— А в море холодно? — спросила отца Груня.

— В земле тоже не тепло. Могила есть могила. Ради твоего счастья поехали. Понимаешь, счастья. Нам уже много ли надо? Тебе надо. Хоть, может, ты поживёшь по-людски, — вздохнул Терентий.

— Зачем мне такое счастье, если мама умерла? Без приданого бы вышла замуж. А здесь что ты мне в приданое дашь — землю, чтобы схоронить меня? Да?

— Не дури! Девка на выданье, а одеть даже не во что. И в кого ты такая удалась? Тонка, пригожа. Сама знаешь, какая мужику баба нужна: чтобы в теле была, могла бы при случае вместо кобылы плуг аль борону волочь. А в тебе всё барское. Но ничего, на своей земле я тебя откормлю, будешь что надо. Любой позарится.

— Зря поехали. Могла бы в город уйти, там парни за толстыми не гонятся.

Груня поднялась с котомки, неуверенно шагнула по шаткой палубе, под дырявым зипуном и сарафаном проглядывалась стройность её тела. Даже лапти не могли скрыть её маленькую, барскую ногу. На длинной шее тревожно билась синяя жилка. Остановилась Груня у лееров, сквозь изморось и туман она видела, как мать, собираясь в дорогу, надсадно кашляла, засовывала в мешки нехитрую посуду, в деревянные сундуки — постель и одежду. Кричала: «Фёкла, возьми вон крынку, потом когда-нибудь помянешь за упокой души!» Бабы говорили Терентию: «Не трогался бы ты с места, старик. Не сдюжит твоя старая такой дороги. Шутка ли — ехать в конец света». — «Сдюжит. Хватит нам ходить всю жизнь в батраках. Своей земли хочется. Хоть разок её просеять сквозь пальцы». — «Умрёт Пелагея. Грудная у неё болесть. Кровями харкает». — «На чугунке, не пешком. Казённый кошт обещали. Груньку надо замуж собирать. Поедем».

Чугунка... Вонючие и холодные вагоны, битком набитые людьми. Умирали дети, старики и даже му-

жики. Слабела и Пелагея. Но всё же смогла проехать через холодные просторы Сибири, через Приамурье, до моря добраться. И здесь, на море, когда пароход сильно трянуло на волне, Пелагея качнулась, ничком упала на палубу — и душа вон. Покойник в море! Мужики бросились к капитану, начали просить причалить к берегу, чтобы похоронить покойницу похристиански.

— Судно не шлюпка, — устало посмотрел на мужиков капитан. — Да и честь тому, кто почил в море, быть тому моряком. Эх вы, странники неумные, бедолаги!

— Нельзя в воду. Вода — это Богородицыны глаза. Грех!

— Грех! Безгрешное это дело! Да и пусть глаза её посмотрят ещё раз, как мыкается люд русский. Хоронить по морскому обычаю! — приказал капитан.

Матросы завернули Пелагею в парусину, уложили на доску, привязали к ногам перегоревший колосник из топки, попик прочёл заупокойную молитву, махнул рукой, и тело по доске скользнуло в волны. И над морем, это видела Груня, тут же закружила белая-белая чайка...

Одно видение за другим проходило перед глазами Груни. Мучили озноб и тошнота. Вернулась к отцу, села на котомку, прижалась спиной к тёплой трубе; отец грубовато, по-мужицки, привлёк её к себе, сказал:

— Не печалься, ей уже всё едино. Все будем там, — махнул он рукой в небо. — Будем думать, как живые, о живом. Земли дадут, коней купим, одену тебя в шелка... Одни остались, теперь нам держаться друг за друга. А может, когда и люди помогут.

Из трюма вылез долговязый и по-мальчишески угловатый Федька Козин, знакомый по вагону парень. Он еле добрался до борта, стонал:

— Ой, моченьки нету! Всё нутро вывернуло!

— Иди сюда. Здесь тепло, и на ветру тебе полегчает, — позвала Груня.

Федька дополз до паровой трубы и калачиком свернулся у ног девушки, будто задремал. Груня тонкими пальцами перебирала его кудряшки, жалеючи ласкала. Вместе ведь проехали всю землю российскую. Отчего же не пожалеть?

В скулу парохода ударила крутая волна, обняла старый пароход, подержала в тугих объятиях и отпустила, ушла к берегу.

Из каюты вышел рослый, чисто одетый мужчина, похожий на купца. В глазах суровинка, между бровей упрямая складка. Упёрся крепкими ногами в дощатую палубу, долго смотрел на изломанный волнами горизонт, на чаек, потянулся до хруста в суставах, скосил глаза на Груню, трянуло густой, с рыжиной шевелюрой, усмехнулся. Он давно приметил, что эта чернявка подсматривает за ним. Чуть не наступая на

руки и ноги лежащих на палубе людей, уверенно пошёл к ней. Наклонился, дохнул на Груню спиртным перегаром, взял её за подбородок:

— Горюешь, девка? Не горюй. Мать уже не вернёшь из моря. Пошли со мной в каюту! Не пожалей. А? — Легко оторвал от палубы Груню и поставил на ноги.

Груня вспыхнула, оттолкнула от себя обидчика, зло бросила:

— Не продажная я!

— Вот чертовка! — отшатнулся он. — Люблю шалых, сам шалый. Ну, ну... «Когда б имел золотые горы и реки, полные вина...» — пропел и уже серьёзно спросил: — Ну, так идёшь?

— Пошла бы, но упряжь не в коня! — сверкая тёмными глазами, ответила Груня, осмотрела взглядом с ног до головы незнакомца.

— А мы подберём упряжь. Да! Одеть бы тебя в шелка и сатин — княгиня! Чёрт! Пошли, озолочу, или я не Безродный! — Он попытался обнять Груню, но она увернулась.

Проснулся Федыка, поднялся, качаясь от морской болезни, двинулся на Безродного:

— Не лапай девку, ну!

— Сиди ты, сморчок! — Безродный беззлобно, несильно ударил Федыку в челюсть.

Тот упал и растянулся на палубе. Он был сильным парнем, в другое время не уступил бы Безродному — между пальцами гнул пятаки, на спине поднимал коня, — но штормовая качка изнурила парня.

— Ах ты, мурло! — раздался крик Калины Козина, Федыкиного отца, он в это время вылезал из трюма. — Наших бить? Ишь растрескал харю — жиром лоснится.

Калина, набычась, подошёл к Безродному и сильно ударил того в грудь. Безродный охнул и отлетел от силача на добрых три сажени.

— Вот так-то, господин хороший. Охолонь, говорю. Ишь нашёл моду обижать слабых. Укорочу руки-те!

Безродный вскочил. Лицо его налилось кровью. Сунул было руку за наганом, но вовремя одумался. С наганом против всех не навоюешь. Выдавил из себя:

— Лапотник! Ну погоди! Я тебе это припомню. — Сплюнул под ноги Калине, пошёл на нос парохода. Встал у якоря, задумался. Отчётливо всплыли в памяти картины прошлого. Та минута гнева, что круто повернула его судьбу... Разве бы год назад посмела эта мужицкая рожа ударить его!..

...Суров и хваток был Егор Стрельников. И на Алтае, и на Керженце, и по Минусинской долине — везде он был хозяином. Покосы, табуны коней, рыбацкие тони, охотничьи заимки, магазины — всем этим владел Егор Стрельников. А после его смерти

всё это должно было перейти в руки Степана. С малых лет приучал Егор старшего сына к своему делу. Таким же хватким, напористым и злым стал Степан. Ещё при жизни отца, когда Егор болел, он гонял всех домочадцев, из каждого стремился выжать всё, что можно, для дела. Младшего брата Романа выслал к охотникам на Керженец, сестёр разогнал по лабазам и лавкам — пусть и девки не едят хлеб даром, а приглядывают за приказчиками. Все они ненавидели Степана.

И вот Егор Стрельников умирал. Первым он позвал Степана. Рассказал наследнику, что на старой заимке зарыта заветная кубышка — приберёг Егор на случай.

— Ты, Степан, — говорил он, — будешь главой в семье, хозяином всего нажитого мною. А нажил я всё с рубля в кармане... Не спеши жениться, стань самым сильным в крае и тогда приведёшь в дом княгиню. Романа держи в чёрном теле. Пусть вначале одумается, а уж потом дай ему надел и деньги. Пьянь он и непутёвый, хлипкий, изнежен матерью. Мать... она, она... — Задохнулся, упала голова на подушки. Вокруг постели собралась вся семья, но Егор уже ничего не сказал.

Завещание читали после похорон. Никого не обошёл отец: дочерям завещал богатое приданое, Роману — стоголовый табун коней, несколько рыбацких тоней, охотничьих заимок и две тысячи денег. Но всё это пока было в руках Степана.

Степан без усталости рыскал по своим владениям, а Роман мотался по кабакам, пропивал деньги сердобольной матери. А когда их пропил, решил выкрасть золото. Ночью он ломом пытался вскрыть стальной сейф, а тут вернулся Степан и застал брата за воровским делом. Гневом вспыхнули его глаза, задохнулся от ярости и, не помня себя, тяжёлой рукоятью плети ударил его по голове. Упал Роман к ногам брата и умер.

Закачались стены, лампа под потолком, заходил под ногами пол. Степан едва удержался на ногах. В первый раз убил. А первая кровь всегда пьяная...

Как ни пытался Степан откупиться от уездного исправника, но мать настояла, чтоб судили ненавистного сына-убийцу.

Кандалы. Тюрма. Суд. Десять лет каторги. Всё враз. Вчера был властелином долин и гор, а сегодня валялся на нарах, с рванью кабацкой, с уголовниками. Застыл и занемел Степан. На суде был кроток и больше молчал, мрачно улыбаясь. И сколько ни допрашивали, где кубышка, основной капитал Стрельниковых, — не сказал. «Нету её, — односложно отвечал Степан. — Нету».

В ожидании отправки в холодный Бодайбо он днями лежал на нарах, молчал и тяжело думал об утраченной свободе. Зачем так убил вахлака, мог бы

убрать тихо, в тайге, — никто бы и не узнал. Дурак! Всё было, теперь — ничего.

К нему уже десятки раз подсаживался на нары Гришка Добрынин, по прозвищу Цыган, знаменитый конокрад, что-то сказать хотел. И однажды вечером зашептал:

- Слушай, купец, ты хочешь свободы?
- Пошёл вон! Какая тут свобода? Каторга впереди.
- Спрашиваю, ты хочешь свободы?
- Ну, хочу. А дальше?
- Болтают, что у тебя где-то закопана кубышка.

Можем откупиться. Говорил я с начальником тюрьмы, он вроде согласен.

— Врёшь! Выведать хочешь, что и как. Катись, пока не получил в харю!

...В кабинете начальника тюрьмы полумрак. За столом сидят четверо: начальник, его помощник, Степан и Гришка Цыган.

— Сколько даёшь, купец, за свою свободу?

— Ваше слово.

— Пятнадцать тысяч золотом на нас двоих. Вам — свобода, паспорта и оружие.

— Десять — и ни копейки больше. За каждый год каторги по тысяче отдаю.

— Мало. Свободу за пятак не купишь.

— За десять тысяч золотом я куплю всю вашу шивую тюрьму. Нет, значит, не сошлись, — поднялся Степан.

— Лады. Десять. Тебе-то сколько останется?

— Это моё дело, может, пятак.

— Но я знаю вас, Стрельниковых, вы и с пятака заживёте.

— Добрынина отдаёте мне. Он мой раб и слуга. Всё.

...Чадят смоляные факелы, суровеет тайга, на небе россыпь звёзд. Тихо позвякивает золото, всхрапывают кони.

Золото поделили и разъехались. Так Степан Стрельников стал Степаном Безродным.

Он уехал пока в Забайкалье, решил присмотреться к этим местам, а Добрынина отправил ходоком на Зелёный Клин, чтобы всё разведать и дал знать. И вот от Цыгана пришла короткая телеграмма: «Выезжай. Охота отличная. Фазана много».

Степан ещё в тюрьме был наслышан о вольностях в Зелёном Клине. В мечтах уже давно покорил ту землю...

Безродный потрянул головой, будто отгонял от себя тяжкие воспоминания. Стал слышен рёв шторма, голоса. Подумал: «Напрасно затеял я эту драку. Здесь перво-наперво надо обрасти дружками, ко всему присмотреться, а уж потом — воевать».

Слышно было, как на палубе басил Калина Козин:

— Э, что говорить! Жили мы на Тамбовщине. Десятина земли была у меня. На ладном месте — на бе-

режку реки. И тут свалился на мою голову купец Ермила, задумал на моей земле кожевенный завод строить. Давал он мне за эту землю большую деньгу, но я закуражился, — хвастал Калина. — Тогда тот подобрал дружков, они подтвердили, что той землёй пользовался ещё прадед Ермилы, и суд оттяпал её у меня. А ведь почти богач я был! Всех судей и аблокаторов обошёл — не помогло. Хотел пристукнуть топором Ермилу, но вот их пожалел. Десять ртов. А каторга мне пока ни к чему. Одна надея: на новой земле по пятнадцать десятин дают на ревизскую душу. Заживу. Должен зажить! Только надо сторониться вон таких брандахлыстов, — кивнул Калина на Безродного. — От них все беды. Догребём до Ольги, там и начну ковать деньги. Получше Ермилы заживу.

— Эх, мужик, мужик! — заговорил худощавый, среднего роста мужчина. — Гурин моё прозвание, Василь Иваныч. Судьбы у нас с тобой одинаковы. Был мужиком, потом ушёл в город, стал сапоги тачать. Тачал и всё мечтал о своей мастерской. Домечтался. В пятом начался бунт. Хошь я и не большевик, но тоже пошёл бунтовать. Там-то и узнал чутка о правде: пока мы не снесём голову царю, не быть нам сытым.

— Слышали мы уже о таком. Пока царю голову снесут, так наши косточки сто раз изопреют. А теперь-то зачем сюда пилишь? — неодобрительно спросил Калина.

— Ссылный я, из Вольска. На вечное поселение отправили за бунт. Зато мы дали копоты жандармам. Если бы все враз, скопом, могли бы сковырнуть царя. Но ничего — не сковырнули в пятом, свалим в десятом.

— Гурин, значит? Так знай, дружба, нам бунты и революции надоели. Бьёмся, бьёмся, а просвета не видно, — загудел басом Калина. — Нам бы земли и чутка свободы. Так я говорю, мужики?

— Дело говоришь. Будет земля, и наплевать нам на всё. Всех бунтовщиков на каторгу, а нам ихнюю землю, — поддакнул Терентий. — Потому не толкись под ногами и не гугни над ухом.

Гурин спорить не стал, ушёл от мужиков.

— Таких трепачей сторониться надо. Через них мужику маета, — вслед ему проговорил Калина. — А Груню ты береги, Терентий. Оклемаемся и пожедим их с Федькой. Какое уж там приданое! Так возьмём.

К обеду показалась земля. Пароход круто повернул к берегу. Все спешили выползти на палубу, не отрываясь смотрели на землю, незнакомую и загадочную. Море качало её, дыбило Сихотэ-Алиньские горы, роняло их набок.

Мужик не так, как моряк, смотрит на землю. Моряк — с тоской, радостью, что наконец-то увидал её, желанную. Мужик смотрит, приглядывается, будто

собирается купить её: «А что ты за земля? Что ты дашь мне, мужику? Как примешь?»

Пароход надрывно загудел, всхлипнув, оборвал свой рёв на высокой ноте. Всполошились чайки, утки — много их тут по-над берегом, — закружили над сопками и морем. Грохнула якорная цепь, якорь упал в воду, пароход остановился, закачался на мелкой волне тихой гавани.

Деревушка Весёлый Яр ожила. Из приземистых домиков высыпали старожилы. К пароходу пошла пузатая шаланда под квадратным парусом.

На палубе шум, суета, крики:

— Марфа, гля, сколько тут деревьев! Прощай, солома! Напечём мужикам такого хлеба, что языки проглотят!

— Надо вначале его посеять, вырастить да сжать, — охладил бабы восторги Калина.

— Напечём сытного и духмяного, — не обращая внимания на мужа, радовалась Марфа, широкая в плечах, крепко сбитая русская баба.

Сытного и духмяного. Вот за ним-то и шла сюда лапотная Русь. Шла обживать новые и трудные земли. Шли безземельцы и бедняки. Тем, кто хотел ехать сюда, немало помогала казна: бесплатная дорога, по четыре сотни рублей на семью, чтобы каждый мог купить себе пахотный инвентарь, коней, коров, навечно осесть в этом краю. Но только помощь эта не каждого могла удержать на такой трудной земле. Люди проедали деньги, а потом бросали всё и уезжали назад. Только самые сильные и отчаянные оставались. Сильные, крепкие, те, кто не пасовал перед рыком тигра или медведя, не страшился застоялой целины, кто смог полюбить эту землю.

Пока шаланда медленно ползла к пароходу, ахали бабы, удивлялись мужики при виде гор, которые терялись в голубом мареве таёжных дебрей — хмарных, таинственных.

— Федос, а Федос, ты гля, ить тут земли-то нету. Одни горы. Где пахать будем?

— Не боись. Между гор завсегда есть ложки. Найдём, где пахать. Не было бы пашен, не гнали бы нас сюда. Земля мужиком сильна.

— Ежели не будет пашен, то нам гибель! — тревожились мужики.

— Гибнут одни лодыри и недоумки, — процедил Безродный. Он стоял у борта, протрезвел на ветру, суровым взглядом смотрел на сопки, спускающиеся к морю распадки.

Федька Козин тоже не отрывал глаз от берега. Он не замечал, как любовно посматривала на него Груня, как осторожно касалась его рукой. Безродный увидел эту тихую ласку, прижал Груню к мачте, нагло заглянул ей в глаза, криво усмехнулся.

Груня дёрнула плечом и отступила от Безродного. Подумала: «Федька хороший парень, тоже красив,

но молчун и тихоня. Мог бы хоть раз поцеловать на палубе, ночью. Телёнок! А этот поцеловал бы сразу. Как он смотрит! Лицом тоже чист. Поди, с таким не пропадёшь...» Она незаметно посматривала то на Федьку, то на Безродного. Федька от этого сравнения явно проигрывал.

Козины и Безродный попали на шаланду со вторым рейсом. Калина, как только ступил на землю, встал на колени и начал молиться.

— Господи, прими мои молитвы! Внемли гласу моему и не отвержи лика своего от раба твоего и страдальца! — упал лицом на сырую землю и поцеловал.

Мимо проходил Безродный, не удержался, пнул в бок Калину, прорычал:

— Дурак! Развалился, юродивый! Комедию ставишь!

Калина вскочил, медведем бросился на Безродного, но Федька остановил отца:

— Будя, тятя, не затевай драку, народ смеётся.

На берегу моря начал расти палаточный город. Чиновники из переселенческого управления, которое образовалось здесь в этом же, 1906 году, составляли списки переселенцев, тут же выдавали из кассы причитающиеся по кошту деньги. Здесь, в Веселом Яре, можно было сразу же купить семена для посева, картошку и разную мелочь. А вот за конями, телегами, плугами и боровами надо было ехать в Ольгу, там была ярмарка, туда пароходы Добровольного общества завезли коров, коней, строительный материал, пахотный инвентарь. Но переселенцы, как и старожилы, неохотно покупали привозных коней, которые здесь часто гибли от гнуса и овода; местные лошади были выносливее.

Вот и Калина, когда пришёл в Ольгу, решил купить коня местной породы у крестьян-старожилов. Федька просил купить бердану, чтобы сразу заняться охотой, но отец наотрез отказал:

— Тайга не про нас. Мы люди от земли, от сохи, тем и будем жить.

На ярмарке шум и толкотня. У коновязей кони — выбирай любого. Калине приглянулась пузатая кобылица с лошонком. Вот он и крутился около неё. А рядом сновали китайские коробейники, продавали семена редиски, редьки, моркови, синюю и серую дабу, чёрный сахар, кричали протяжно и горланно:

— Редиза! Редиза! Чеснога! Чеснога! Твоя посмотри! Бери, сопсем даром бери!

Торговцы морской живностью кричали своё:

— Раком, раком! Мало-мало шевели — одна копейка, сопсем не шевели — полкопейка!

Приезжие при виде ослизлых трепангов и клешнястых крабов ругались, плевались и гнали от себя продавцов. Сунулся было один из таких к Калине, тот рывкнул на него:

— Поди прочь, рожа немытая! Где это видано, чтобы русский мужик этакую падаль ел?

Калина был зол на весь мир. Не продавал мордастый пермяк кобылицу с лошонком меньше, чем за полста рублей. В мечтах Калина уже видел, как жеребёнок вырастет и станет жеребцом. Кобылица к этому времени ещё пару принесёт. Свой завод...

— Не хочешь за полста, катись к едрёной матери! — орал пермяк. — Кобыла, что пароход, одна плуг потянет. Зубов нет? У тебя тоже нет, да ты живёшь. Она и без зубов ещё лет десять прохрумкает овёс, только подавай.

— Ты меня с конём не равняй.

— А отчего не сравнять? Здесь житуха — не хлеб с маслом. Рядом с Чалой и сам припряжёшься, ежели жить захочь.

Купил Калина кобылицу — сбросил-таки пермяк пятёрку. Затем купил телегу, плуг и бороны. Радостный готовился к отъезду в Весёлый Яр. Знал, с каким нетерпением ждали его свои. Но вот продуктов не стал много покупать, решил, что до лебеды уже недалеко, на ней проживут. Прикупил лишь пару мешков муки, и хватит. Хотя Терентий сказал:

— Зря ты мало едомы берёшь. Целину поднимать — сила нужна.

— Сдюжим. Лебеда — тоже еда. Денег жалко. Ещё пригодятся.

Здесь же толкался Безродный. Он ничего не покупал. Сверлил людей глазами, злился, будто кого искал. Но вот на ярмарку пригарцевал на поджаром арабе мужик. Из богатых, бедняк такого коня держать не будет. Легко прыгнул на землю и пошёл в кабак. Безродный догнал мужика, спросил:

— Эй, дядя, не продашь ли коня?

— Могу продать, племянничек, сотня серебром — и забирай.

— Куплен!

— Ну, да ты, видно, паря, с деньгой?

— В своём кармане считай! — огрызнулся Безродный.

Безродный отсчитал сто рублей, подошёл к жеребцу, хлопнул ладонью по холке, вскочил в седло и лихо послал его с места. Проскакал из конца в конец Ольги, вернулся. И только прыгнул с коня — увидел Цыгана.

— Жду не дождусь! Где пропал? — спросил его Безродный.

— Там уж меня нету. Сказ долгий.

— Что сделал? Говори!

— Всё разведаль, всё прознал. Жить можно. Фазан есть. Перо у него золотое. Прокутил все деньги с приставом и уездным головой. Наши в доску! Остался гол и сир. Дай десятку — похмелье давит.

— Купил коня и винтовку? — строго спросил Безродный.

— Как приказал. Хороший из меня купец получается! Снял хатенцию — окосеешь. Море, лес, сопки. Красота! Пошли к приставу, спрыснем нашу встречу. Он тоже сидит без гроша и тебя ждёт. Но только при приставе Баулине называй меня полным званием: Григорий Севастьяныч.

— Ладно, Севастьяныч так Севастьяныч, но для меня ты навеки Цыган. Ты мой раб до последнего вздоха! Понял?

— Понял.

— Жить будешь в Ольге. Для тебя поставим лавчонку, приказчика туда, будешь завозить и продавать товары, увлекаться охотой. Без моего ведома и пальцем не пошевелишь. Пристава я беру в дальнейшем на себя. Совсем будет наш. Завёл ли нужных людей среди манз?

— На той стороне бухты есть китайский посёлок Шамынь. Весь мой. Дружков там нашёл, опий с ними курил. Золотым фазаном в Шамыни считают Сан Лина. Быть бы ему купцом, но всё прокурирует на опии.

Продолжая разговор, они ушли в лавку.

Терентий Маков купил семена, телегу, сбрую, плуг и борону, осталось за малым — коней купить. Терентий бродил по торжищу с уздечкой в руке. Уздечка пахла кожей — только что взята из лавки. Ему приглянулись мерин и кобыла. Решил купить сразу двух коней. Сошлись было по полсотни за штуку, но перебил один из переселенцев, заплатил больше.

И всё же купил коней Маков. В душе радость и смятение: был батраком — стал богачом. Всю ночь в ожидании приписки только и делал, что кормил своих коней сеном, овсом. Утром получил приписку к деревне Суворово, совсем маленькой деревушке, и уехал с Груней на свою землю.

Козины приписались к деревне Божье Поле, самой большой в Голубой Долине. Ехали Козины по тележному тракту, который уже начало строить переселенческое управление. При виде непролазных чащоб, крутых сопков, звонких ручьёв и бурливых речек тихо ахали.

Козиных догнал Гурин с женой и двумя дочерьми. Он тоже был коштовым, хотя и ссыльный, также купил всё необходимое для крестьянина. Хотел купить бердану, но пристав запретил. Бунтовщик, мало ли что...

Тарахтели телеги, Гурин и Козины шли рядом и мирно беседовали:

— Всё это хорошо и ладно, что нам казённый кошт, землю, но ведь пойми, ты, Калина, что на этой земле скоро с нас будут драть три шкуры. Где ты видел, чтобы царь своё упустил?

— Оно-то так. Но и ты пойми, Гурин, что, кто бы ни взял власть в свои руки, тот и будет с мужика

драть. Бунты — дело зряшное. А люди мы мирные, земные.

— Мирные! Чудак человек, будь дружнее ваши мужики, разве бы смог такой вот Ермила отобрать у тебя землю? Один хотел ты перекричать бурю? Кишка оказалась тонкой. Верно говорю, Фёдор?

— Ладно, дуди себе своё, но моего сына не сбивай с панталыку.

— Сам не маленький — разберётся, где кривда хромает, где правда ровной стёжкой идёт.

Перед перевалом маленький обоз догнал Безродный. Остановил взмыленного араба:

— И куда вас без ружей несёт в эту глушь? Сейчас видел тигров. А вон и кабаны, — показал на табун, который невдалеке переходил тракт.

Козинский жеребёнок, опередивший обоз, наткнулся на кабанов, испугался, бросился под сопку. И тут же из чащи, будто и людей рядом не было, выскочил тигр, он пас этот табун. Прыгнул на лошонка, схватил зубами и не торопясь понёс в гору.

— Стреляй! Убей тигра! — завопил Калина.

— А что теперь стрелять, жеребёнок всё равно содох, — усмехнулся Безродный. Он огрел плетью коня и ускакал за перевал.

Отчаянье, обида будто лишили рассудка Калину. Он выхватил из телеги топор и бросился за зверем. А тигр положил жеребёнка на жухлую листву, харкнул кровью, зарычал. При виде красной пасти и верхковых зубов Калина попятился, запнулся за валезину, упал на спину и покатился с сопки. Тигр взял жертву в зубы и спокойно ушёл за хребет.

С гор наплывала ночь, несла с собой страхи. Калина ругался, плакал, потом притих.

— Зря ты, Калина, слова тратишь, зверь взял своё, — сказал Гурин. — Давай гоношить костры. Придёт тигр назад, может и коня унести. Такая киса унесёт.

Развели костры, накрепко привязали к телегам коней, сами жались к огню. Там, за кострами, в непроглядной темени, кто-то шуршал листвой, трещал сучьями, над головами дрожали звёзды, в долине речки ухал филин, грозно лаял гуран. Калина, злой на тайгу и зверьё, метал головешки в кусты, пока не занялся пожар. Но Гурин с Федыкой наломали веток и затушили огонь.

— И зачем поджигать тайгу? Ведь это всё наше...

— Я за своего жеребёнка всю тайгу спалю. На что она мне? Вместо этих сопки пашни бы, всё бы перепахал.

— И стал бы мироедом и хапугой, как ваш Ермила, — сказал Гурин.

— А мне плевать, кем бы я стал! Быть бы сытым, и в кармане чтоб денюга водилась.

— Да хватит ли у тебя сил всю землю перепахать?

— Не хватит — у тебя займу, — огрызнулся Калина.

2

К костру подошёл старик, шёл он из Божьего Поля в Ольгу. Седой, согбенный, но ещё в силе. Бодро поздоровался с переселенцами, присел на сутунок ильма и сразу заговорил:

— Прёт мужик в тайгу. Хорошо. Давно бы так надо. Но только сюда бы мужика сибирского, с хитринкой и таёжной ловкостью, вот как староверы за перевалом. Тех ничем не удивишь и не испугаешь. Они сотни лет скрываются от властей и живут себе, да ещё и получше нашего.

— Дед, рассказал бы ты про тайгу.. — попросил Гурин.

— Ха, а чё про неё рассказывать? Тайга как тайга. Я здесь родился и вот помирать собираюсь в ней же... Но ежели хошь, то могу. Одно то, что тайгу нашу Бог сеял с устатку. Вначале он обсевал Ерманию, потом Расею, потом Сибирь, а уж в наши края прибрёл на шестой день недели. Устал страсть как! А семян ещё полон мешок. Подумал, подумал, взял, развязал мешок и всё вытряхнул на эти сопки. И вышел ералаш. На вершинах сопки растёт кедровый стланик, там же северная брусника, ниже кедрачи, потом бархат с юга, виноград, лимонник, женьшень. Не понять, всё смешалось. Попадёт такой вот переселенец в тайгу — и пропал, мошка ли заест аль зверь загрызёт. Страхота, а не тайга, кто её не знает. А как познаешь, вроде и не страшно.

— Дедушка, а кто сюда пришёл первым? — спросил Федыка.

— Первым-то? Дело давнее, первым сюда пришёл заглавный бунтарь со своей ватагой — пермяк Феодосий Силов. Он три года вёл сюда людей. Всё искал на этой земле Беловодское царство. Довёл до Забайкалья, а потом тайно бежал по Амуру. Заложил село Перминку на Амуре, но и там не понравилось беспокойному старику, решил уходить к морю, позвал его к тому же Невельской — люди Невельского строили на берегу моря, в устье Амура, крепость. Геннадий Иванович, Царство ему Небесное, направил Феодосия в бухту Ольгу. А там уже был заложен русский пост, на том посту были четыре матроса. Под боком поста и мы заложили свою деревеньку, я тогда ещё мальчонкой был. Хлебнули горюшка. То на нас нападали пираты из Канады, то хунхузы из Маньчжурии. Нас мало. И на посту одна бронзовая пушчонка да десяток ружей. А вот когда через шесть лет здесь заложили уже другой, военный, пост, тогда мы окрепли. Казаки, пристав и мы — уже сила. Да и люди стали прибывать: тамбовцы, вятичи. По речке Аввакумовке сразу построили три деревни. А сейчас уже и на Голубую речку перебрались. Она сколько народу стало. Суворово, Божье Поле, Тадуши, Сахово. Идёт народ с моря и из тайги. Первыми за перевалом

поселились старoverы. Убежали от Церкви и царя, думали, так и будут одни век вековать, а тут под их боком выросли деревни Чугуевка, Ивайловка, Уборка, и другие будут расти. Нужное дело чугунка, по ней легче сюда добежать. Но пока на нашем пути стоит перевал. От моря есть тележный тракт, от Спасска тоже есть, а вот хребет Сихотэ-Алинь как стена: отгородил нас друг от друга, и никто не знает, что и как у соседа. А может, так оно и лучше — мы себе, те себе.

Долго рассказывал старик про тех, кто сюда пришёл первым, про тигровые набеги.

— А тайги бояться не надо. Она наша беда и наша выручка, это вы скоро поймёте. Ну вот, отдохнул, поговорил с вами, а теперь почапаю дальше.

— Но ведь ночь! — удивился Калина.

— А что ночь?

— А звери?

— Звери безоружного не тронут. Встретишь — уступи дорогу, он пойдёт себе, ты себе.

— У нас тигр жеребёнка задавил.

— То бывает. Это он от шалости. Ну, пошёл я нето. Доброго вам новоселья, — поклонился старик и ушёл в ночь и тайгу.

— Вот ить есть же люди, что никого не боятся, — проговорил Калина и задумался.

3

Телеги Козина и Гурина, протарахтев по каменистой дороге, остановились посредине села Божье Поле. Село стояло на пригорке, растянулось в одну улицу, обоими концами упёрлось в тайгу. В сторонке речка Голубая, за ней горбатые сопки, рыжий дубняк и орешник.

Переселенцев тут же окружили старожилы. Здесь старожилом считался тот, кто прожил хотя бы год на этой земле. И не поймут новички, то ли рады их приезде, то ли нет — в глазах сельчан тупое безразличие, голодный блеск, усталость.

Первым заговорил старожил Феофил Розов. Низкорослый, рыжеватый, он высморкался тремя пальцами, шаркнул ногой по пыли.

— Значит, и вам не сидится на месте? Трясёте штанами, а толку? Кормите вшу, а для ча?

— А ты для ча сюда приволокся? — хмуро огрызнулся Калина.

— Тебя, дурака, не спросил, вот и приволокся. Но когда задумаешь бежать назад, приди ко мне — верную дорогу покажу.

— Бежать нам некуда, — устало ответил Калина, — позади — море, впереди — царь. Да и зачем бежать, вона здесь сколько земли, знай паши. Дома бы с такой землёй я развернулся.

— Развернулся ногами к шее...

— Будя! — вмешался высокий и дородный мужик. Это был Ломакин, старшина деревни. Он уже пять лет здесь жил, первым осел в Божьем Поле. — Чего страшать людей? Приехали — и хорошо. Только вот что, други, земли здесь трудные, крепкие, каждый клочок отвоёвывать у тайги надо. Но вы не бойтесь, осилите. Откуда?

— Тамбовские мы.

— Ну! — обрадовался Розов. — Земляки, значит. Тогда не убежите, тамбовские до земли жадные. Как там и что?

— Сам-то давно ли оттуда? — смягчился Калина.

— Второй год пошёл. Во время бунта уехал, и в нашей деревне бунтовали.

— А вы? — повернулся Ломакин к Гурину.

— Я вечнопоселенец, мне бежать и вовсе нельзя.

— Политический, поди?

— Не дорос я до политического, но был с ними, вот и угодил сюда.

— Смотри у меня, не путай людей, — нахмурил брови старшина.

— Зачем их путать, сами помалу узнают правду.

Ломакин отвёл Козиным и Гуриным места под дома. Там они поставили палатки, а вечером собрался народ, послушать, что на белом свете творится.

— А что там творится? Вся Расея в бегах. Мечется мужик и не может найти себе пристанища, — лениво отвечал Калина. — Лучше скажите, как вы тут?

— Что мы? Здесь главное — найти жилу, поймать фазана за хвост, тогда и жить будешь, — уже без зла говорил Розов.

— А ты поймал? — усмехнулся Гурин.

— Пока нет. Но поймаю. Поймаю и не отпущу.

— Как найти ту самую жилу? — встрепенулся Калина.

— Очень даже просто. Землю пахать, знамо, надо, но главное — тайга. Бить зверя, искать корень женьшень, потом свою лавочку сколотить.

— На купца метишь? Не ново. Ну, а как дело-то идёт? — насмешливо спросил Гурин.

— Идёт помаленьку. Мне бы напарника хорошего, скорее бы пошло. Иди со мной, Калина.

— Нет, я буду от земли жить.

— Тогда отдай Фёдора.

— И его не дам. Хватит с нас того, что тигр жеребёнка унёс, и сына может тайга унести. Здесь не Тамбовщина.

— А ты меня возьми, — усмехаясь, предложил Гурин.

— Тебя? Да ты ошалел! Ты ж бунтовщик, против царя, и настоящего мужика не жалуешь. Нет, с тобой несподручно. Всяко может быть, а ты не согласишься... Вот с Калиной бы пошёл, он нашенской, мужицкой хватки и разбогатеть не прочь. Пойми, Калина, пяток соболей — и хлеба на зиму купишь.